

Денис Громвель

Карельская аномалия

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Денис Громвель

Карельская аномалия

<https://litres.ru/73977981>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вспыльчивый рядовой Советской армии за драку с офицером отправлен в аномальную зону под городом Буран, ему нужно найти группу пропавших учёных. Там на него открывают охоту мерзкие твари, а обиженный командир пытается загнать в ловушку. Сможет ли солдат выжить и вернуться?

Денис Громвель

Карельская аномалия

Карельская аномалия

В казарме стоял тяжёлый запах хлорки и солдатских портянок, пропитывал кожу, одежду, оставался на пальцах даже после сигареты. Рядовой Иван Солнышков курил у окна, прижавшись лбом к холодному стеклу. Осенний ветер гонял листья по бетонному плацу и трепал обрывок какой-то бумажки, застрявшей в заборе под колючей проволокой.

На часть надвигался тяжёлый карельский туман, такой оставляет мокрые пятна на одежде того бедолаги, что не успел укрыться от белёсого облака в помещении. В низинах окружающего леса серыми проплешинами лежал снег, сосны стояли чёрные, мокрые.

В пальцах тлела сигарета, Солнышков затянулся.

— Ну и погодка. — выдохнул, дым вышел из лёгких в открытую форточку. Окурок отправился в жестяную банку

из под кофе. Взгляд пробежал по казарме.

Петька Чиж стоял на коленях и елозил тряпкой по дощатому полу. Майка на парне висела мешком, и угловатые лопатки ходили ходуном под тканью. От усердия крупные капли пота падали на толстые линзы очков.

Сержант Кабаненко сидел на табурете в двух шагах от Петьки, закинув ногу на ногу, и ковырял спичкой в зубах. Это был крупный мужик, с бычьей шеей и маленькими глазками, которые постоянно бегали по сторонам — выискивали, к чему бы придраться и на ком сегодня можно выместить злость.

Ваня знал этот тип людей. В детдоме таких полно, и с каждым приходилось драться за кусок хлеба, ставить на место зарвавшихся мудаков, что считали себя лучше других.

— Чиж, ты мразь. Тут грязное пятно. — Скрипнула табуретка, Кабаненко двинулся в сторону солдата.

Бам! Мыльная вода хлынула на вымытые доски после того, как ведро встретилось с сапогом сержанта. Серая лужа расплзлась и замочила подол Петькиной майки. — Выли-зывай!

Петька замер. Тряпка шлёпнулась в лужу. Парень смотрел в пол, и лицо медленно наливалось красным. Иван видел, как дрожат руки, как побелели костяшки пальцев, сжимающие мокрую ткань. Петька не мог дать сдачи, не умел. Таких ломали в первую очередь — в детдоме, в армии, везде.

Половица скрипнула под сапогом Солнышкова — тихий, предупреждающий звук. В голове не было ни одной связной мысли, только гул — низкий, как перед дракой в детдоме, когда старшие отбирали хлеб у младших.

— Кабаненко, отойди от него! — рыкнул рядовой. Ивану было плевать на звание и погоны. В поле зрения только трясущийся пацан на полу и туша, нависшая над ним.

Сержант медленно поднял голову. Спичка замерла в углу рта. В маленьких глазках мелькнуло удивление. Так посмот-

рела бы кошка, если бы мышь в зубах начала огрызаться.

Кабаненко выплюнул спичку на пол, растёр сапогом. Движение было неторопливым, даже ленивым — он никуда не спешил.

— Чего-о? — он расправил плечи. Сапоги чавкнули по мокрому полу.

— Рядовой Солнышков, ты охренел?

— Сержант был выше Ивана на полголовы и тяжелее килограммов на двадцать.

Иван сделал шаг, ноги сами понесли. Второй шаг. Третий. Кулаки сжались сами собой. Он чувствовал каждую мышцу в теле, каждый натянутый нерв. В висках стучала кровь.

Краем глаза Солнышков видел, как Петька поднял голову и смотрит с ужасом — не за себя, за него. За Ваню. Чиж знал:

если сержант получит по морде, обратной дороги не будет.

— Я сказал: отойди. — Солнышков подошёл вплотную.

— Ты у меня поедешь в дисбат, щенок. Я тебя... Хрясь! — Кулак впечатался в челюсть раньше, чем сержант закончил. Удар был глухим, каким-то влажным.

Костяшки обожгло болью, но Иван её не заметил. Голова Кабаненко мотнулась в сторону, изо рта брызнула слюна пополам с кровью — несколько капель попало на рукав гимнастёрки.

Грохот прокатился по казарме от падения грузного тела на жестяное ведро, заметался под потолком, отразился от стен и замер.

Петька стоял на коленях в луже, прижимая мокрую тряпку к груди, и смотрел на Ивана круглыми глазами — в них плескался не то восторг, не то животный страх. Он понимал, что сейчас произошло.

Остальные бойцы вжались спинами в стены казармы. Чья-то ложка упала на пол, прозвучало как выстрел. Иван разжал побелевший кулак и посмотрел на свои пальцы. На костяшках осталась чужая кровь — тёмная, почти чёрная в тусклом свете казарменных ламп.

Рука пульсировала болью, но рядовой не подал виду, вытер руку о штанину. Полез в карман за новой папиросой, закурил, глядя, как Кабаненко стонет на полу, держась за челюсть. Сержант попытался приподняться, опираясь на локоть, но снова рухнул.

Глаза Кабаненко были полны концентрированной ненависти, казалось, её можно было потрогать руками. Иван понял: теперь у него есть враг на всю оставшуюся жизнь. Короткую или долгую — это уж как повезёт. Сигаретный дым вылетел в потолок, скоро за рядовым должны прийти, нарушение субординации в армии не прощают.

Ждать пришлось недолго. Через пять минут в казарму ворвались двое офицеров, вызванные дежурным. Солнышкова скрутили без лишних слов — заломили руки за спину, на-

ручники щёлкнули на запястьях. Он не сопротивлялся.

Петька всё ещё стоял на коленях в луже и смотрел, как уводят друга.

Гауптвахта располагалась в подвале, воняла сыростью и мочой. Запах был тяжёлый и плотный. Иван сидел на железной койке, привалившись спиной к облупленной стене, и смотрел в потолок.

Бетонная плита над головой пошла трещинами, и одна из них — самая длинная — напоминала русло пересохшей реки.

Солнышков изучал трещину уже третьи сутки. Знал каждый изгиб, каждое ответвление. Ещё трое суток здесь, дальше — трибунал. Дисбат — это если повезёт. Если нет — обычная тюрьма, а там уж как карта ляжет.

Иван думал о Петьке Чиже, о том, что с ним будет теперь,

когда Кабаненко вернётся в казарму со сломанной челюстью и жадной мести. Этот не забудет. Такие, как он, не забывают ничего. Петька станет крайним — на нём отыграются за всё. За унижение, боль, страх.

Солнышков знал, что это его вина, но не чувствовал сожаления. Только глухую пустоту. Пошарил по карманам — пусто. Папиросы конфисковали. Оставалось только сидеть и ждать.

За дверью звякнули ключи. Металл о металл — резкий звук, от которого Иван невольно дёрнулся. Открылась дверь, свет хлынул в полумрак камеры. Начальник караула впустил человека в штатском и тут же аккуратно прикрыл за собой дверь.

Посетитель был высокий, в длинном пальто, пахнущем дорогим табаком — не «Беломором» или «Примой», а чем-то вишнёво-шоколадным. Узкое лицо, острые скулы и глубоко посаженные серые глаза. Такие глаза Иван видел у людей, которые принимают решения, не советуясь с совестью и другими людьми.

Гость оглядел камеру. Взгляд скользнул по облупленным стенам, по ржавой раковине в углу, по параше у двери. Он не поморщился — просто принял обстановку к сведению, как принимают факт плохой погоды за окном. Взял табурет, поставил напротив койки и сел.

На колени лёг кожаный портфель. Щёлкнули замки — два резких звука, похожих на щелчки курка табельного пистолета.

— Меня зовут Алексей Попов, а ты, рядовой, Солнышков Иван.. — палец скользнул по строчке в бумагах, мужчина поднял глаза. Взгляд пронизывал, как февральский ветер. — Отчества нет?

— Отца не знал, сирота. — Ваня отлепился от стены, сел прямо и скрестил руки на груди. Разбитые костяшки уже не саднили. Но Солнышков чувствовал, как запёкшаяся кровь стягивает кожу при каждом движении.

Человек кивнул равнодушно. Он не собирался тратить

время на лишние эмоции. Вынул из портфеля и протянул фотографию.

Чёрно-белый, глянцевый снимок: бетонный бункер, люди в белых халатах у приборов на треногах, массивная стальная дверь на заднем плане. Лица у людей на снимке размытые, неразборчивые.

Иван взял снимок, повертел — бумага необычная, плотная, на гражданке такую ни разу не видел — и вернул.

— Драка с сержантом. Сломанная челюсть. Трибунал. От пяти до восьми лет. — человек убрал фото в портфель, защёлкнул замки. — В сорока километрах от Петрозаводска, в лесу, есть военный город Буран, под ним в бункере секретный объект. Пропала группа учёных. Нужно их найти. Вывести. Справишься — трибунала не будет.— Гость поднялся, поставил табурет к стене, одёрнул пальто. Складки ткани легли безупречно.

— А если не справлюсь? — Иван растёр разбитые костяшки большим пальцем. Боль была тупой, ноющей.

— Тогда трибунал тебе уже не понадобится. — Человек взялся за ручку двери и обернулся через плечо. — Подумай хорошо, рядовой.

Дверь закрылась. Ключ провернулся в замке. Иван остался один, откинулся обратно на стену, прикрыл глаза и представил бетонный бункер, затерянный в карельских лесах.

Где-то там пропали люди. И теперь ему предлагали их найти. А если не найдёт — что ж, никто не узнает, куда подевался рядовой Солнышков. Сирота. Никто не хватится.

Прибытие в Буран

Уазик трясся на ухабах третий час. Машина была старая, видавшая виды — брезентовая крыша хлопала на ветру, двигатель ревел, как раненый зверь, амортизация, казалось, вообще отсутствовала.

Каждую колдобину Иван чувствовал задом. За окнами мелькали сосны — чёрные стволы на фоне серого неба, бесконечная шеренга, уходящая за горизонт. Даже свежий снег никак не украшал это унылое зрелище. Осень в Карелии — дожди, туман и холода, благо, мошки с комарами пропадают.

Ивана пристегнули наручниками к поручню над дверцей. Металл охлаждал запястье. Рядом молча сидел конвоир — молодой парень с белёсыми ресницами и автоматом на коленях. Руки сжимали оружие с такой силой, что костяшки пальцев побелели. Ствол смотрел в сторону заключённого.

Солнышков видел таких в учебке — первый раз в карауле, боятся собственной тени, такой может и выстрелить случайно, остаётся надежда на то, что предохранитель в порядке.

Майор Попов сидел впереди, перелистывая бумаги в планшете. Водитель — седой мужик с пышными усами и обветренным лицом — крутил баранку и насвистывал что-то себе под нос. На Ивана ниразу не взглянул.

— Скоро приедем? — Солнышков дёрнул рукой, брякнув

наручником о поручень.

— А ты опаздываешь? – Зашелестела страница, Попов провёл рукой по строчкам.

Конвоир хмыкнул. Иван отвернулся к окну. За мутным стеклом всё так же мелькали сосны. Он думал о том, что будет, когда они приедут на место.

Бункер, учёные, аномальная зона — всё это звучало как сюжет из дешёвого фантастического романа. Иван такие не читал. Ему нравились детективы, закрученный сюжет, но что добро и зло понятно с самого начала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.